
УДК 82.0 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 5
П 95

Пыхтина Ю.Г.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, докторант Российского университета дружбы народов, e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

О пространстве деревни и русском характере
(на материале произведений Л. Толстого «Утро помещика»,
А. Чехова «Мужики», И. Бунина «Деревня»)
(Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется пространственный образ деревни как специфически национальный на примере произведений Л. Толстого, А. Чехова и И. Бунина. Рассматриваются некоторые черты русского характера, связанные с пространством, в котором живет народ (связь с родовым гнездом, смирение, цельность природы, неумение организовать свое личное пространство и др.).

Ключевые слова:

Национальные пространственные образы, деревня, русский характер, Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин.

Pykhtina Y.G.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Russian Philology and Technique of Russian Language Training, Orenburg State University, Doctoral Candidate of the Russian University of People's Friendship, e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

On space of a village and Russian character
(based on works of L. Tolstoy «Landowner's Morning»,
A. Chekhov «Peasants» and I. Bunin «The Village»)

Abstract:

The spatial image of the village is analyzed as a specifically national image on the basis of works of L. Tolstoy, A. Chekhov and I. Bunin. The author examines some traits of the Russian character related to space, where the people live (relationships with a family home, humility, integrity of nature, inability to organize the personal space, etc.).

Keywords:

National spatial images, a village, a landscape, a Russian character, L. Tolstoy, A. Chekhov, I. Bunin.

В отечественном литературоведении немало работ, в которых рассматриваются проблемы национального характера в творчестве русских писателей (Я. Билинkis, Б. Бурсов, Г. Гачев, Г. Ионин, В. Кантор, Г. Краснов, Е. Краснощекова, Е. Купреянова, Г. Макогоненко, П. Маркович, М. Махмудова, В. Мель-

ник, В. Недзвецкий, М. Отрадин, Л. Пумпянский, В. Шукин, И. Юнусов и др.). В ряде исследований звучит мысль о связи пространственных характеристик и национальной ментальности.

Так, О. Лазарева, рассматривая проблему русского национального самосознания в прозе И. Бунина на материале повестей «Деревня», «Суходол», рассказов «Иоанн Рыдалец», «Божье дерево» и др. произведений, обоснованно связывает русский национальный характер с темой деревни у Бунина [1: 62].

Работа С. Шакирова «Мотив дороги как парадигма русской лирики» посвящена национальной специфике мотива дороги. Среди факторов, повлиявших на «живучесть» мотива дороги в русской литературе, ученый называет пространственную протяженность российских дорог, неустроенность «дорожного» бытия, русскую «любовь к быстрой езде», естественно возникающие в «дорожной» ситуации искренность и открытость, присутствующие русской ментальности. Идею «русскости» мотива дороги автор подтверждает многочисленными примерами из поэзии XIX-XX веков [2].

Е. Никанорова в статье «Буря на море, или Буран в степи» рассуждает об эволюции, функциях, богатстве метафорических значений мотива бурана в русской литературе и убедительно доказывает, что метель – это важнейшая составляющая национального русского пейзажа [3].

И. Хаткова, определяя функции пейзажа в художественных произведениях адыгского писателя Султана Хан-Гирея, также приходит к выводу о том, что «изображение окружающего пространства связывается в произведениях с представлениями о важнейших элементах национального сознания и национального уклада жизни» [4: 232].

Таким образом, современные исследователи наметили в своих работах проблему отражения в художественной

литературе специфики национального характера, связанного с пространством, в котором живет народ. Проиллюстрируем эту мысль на примере повестей Л. Толстого «Утро помещика» (1856), А. Чехова «Мужики» (1897), И. Бунина «Деревня» (1910). Нашей задачей не является всестороннее историко-литературное сравнение этих произведений. Делая основным инструментом анализа художественное пространство, мы лишь покажем, что именно через изображение деревни писатели стремились постигнуть сложное, иррациональное сочетание несочетаемого в русском характере.

Ведущими пространственными образами повестей, формирующими модель деревенского пространства, являются крестьянский дом и деревенский пейзаж. В народной культуре дом всегда являлся средоточием основных жизненных ценностей, любви, достатка, единства семьи и рода, он представлял собой некий космос, в котором человек чувствовал себя хорошо, уютно, счастливо. В то же время у всех трех писателей основными маркерами крестьянского жилища становятся ветхость, грязь, нищета, теснота, темнота, вонь, наличие в доме насекомых (мух, тараканов, клопов). Сопоставление характеристик крестьянского жилища у Л. Толстого (дома Чуриса, Юхванки Мудреного и Давыдки Белого, которые один за другим посетил молодой помещик Нехлюдов), А. Чехова (дом Чикильдеевых) и И. Бунина (дома жителей Дурновки и Тихона Красова) позволило выделить сходные элементы в описании двора, внешнего вида дома (стены, окна, крыша) и внутреннего его убранства (печь, красный угол и др.).

Характеризуя крестьянский дом, русские классики убедительно показывают, что он не выполняет свою основную, охранительную, функцию и не пригоден для жилья. Уничтожение дома начинается с углов, то есть с основы жилища, на это указывают такие пространственные

«приметы», как разрушение границ дома (дырявая крыша, развалившаяся труба, разбитые окна), осквернение сакрального центра дома – красного угла; изображение печи, воплощающей идею дома в аспекте его полноты и благополучия, либо полуразвалившейся, либо остывшей.

Авторы, подробно описывая жилище крестьян, констатируют, прежде всего, их материальную нищету. Однако комната Нехлюдова в «Утре помещика», несмотря на дорогую старинную мебель и прочие атрибуты аристократа (рояль, бостонный стол и т.п.), также «имела бесхарактерный и беспорядочный вид». Не отличался уютom и дом «помещика» Тихона Красова, с «длинной, полутемной» комнатой для приезжающих, двумя «большими диванами, жесткими, как камень, обитыми черной клеенкой, переполненными и живыми и раздавленными, высохшими клопами», печкой-лежанкой «по белому, замазанной глиной». Здесь, возможно, проявляется такая черта русского менталитета, как неумение (или нежелание?) организовать свое личное пространство. Весьма убедительно об этом писал Н. Бердяев: «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их» [5: 60].

С жизнью, повседневными нуждами героев и их характером соотносятся у писателей и картины природы. Так, пространство, окружающее дом Чуриса в повести Л. Толстого, имеет такую же отрицательную характеристику, что и его жилище: «Перед двором был колодезь с развалившимся срубиком, остатком столба и колеса и с грязной, истоптанной скотиною лужей, в которой полоскались

утки. Около колодца стояли две старые, треснувшие и надломленные ракиты с редкими бледно-зелеными ветвями». Как видим, пейзаж дополняет картину беспросветной нужды мужика.

Совершенно иное впечатление производит в «Утре помещика» жилище крестьянина Дутлова: светлая добротная изба, чистый широкий двор, заставленный множеством крестьянских орудий труда и необходимых в хозяйстве вещей, пять троек лошадей, которые использовались для частного извоза, несколько сотен колодок пчел и т.д. И внутренне и внешнее пространство дома Дутловых становится характеристикой довольства и достатка семьи, а сами они – воплощение добродушия, здоровья, красоты и согласия. Описание семейства Дутловых в «Утре помещика» не случайно композиционно завершает произведение: Л. Толстой оставляет надежду на исправление тяжелого положения в деревне.

Взгляд А. Чехова на деревню более пессимистичен: его внимание направляется не столько на характеристику внешне неприглядной жизни деревни, сколько на изображение духовного оскудения ее жителей, поэтому традиционные (изобразительные) пейзажные зарисовки постепенно переходят в социальную плоскость, красота деревенской природы противопоставляется убогости будней: «Через реку были положены шаткие бревенчатые лавы, и как раз под ними, в чистой, прозрачной воде, ходили стаи широколобых голавлей. На зеленых кустах, которые смотрелись в воду, сверкала роса. Повеяло теплотой, стало отрадno. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься! Стоило теперь только оглянуться на деревню, как живо вспомнилось все вчерашнее – и очарование счастья, какое чудилось кругом, исчезло в одно мгновение».

Взаимопроникновение бытового и

природного пространства характерно и для повести И. Бунина: *«Зима наступила долгая, снежная. Бледно-белеющие под синевато-сумрачным небом поля стали шире, просторней и еще пустынное. Избы, пуньки, лозины, риги резко выделялись на первых порошах. Потом завернули вьюги и намели, навалили столько снега, что деревня приняла дикий северный вид, стала чернеть только дверями да окошечками, еле выглядывающими из-под нахлобученных белых шапок, из белой толщи завалинок».*

Во все времена года деревня у Бунина мрачна и однообразна по колориту, в котором преобладают серые и черные тона: «серое» утро, «серый» снег, «серая деревня», «серыми мерзлыми лубками» висит белье, «серо» возле изб, т.к. у порогов выкидывают золу, «снежно-серый» простор полей, «густая серая мгла», «темные» поля, «черно-фиолетовые» от дождей проселки и т.п. Таким образом, бунинский пейзаж дополняет общую картину неблагополучия деревенской жизни, представленную в произведениях рассматриваемых авторов.

Обратим внимание и на сходство в отрицательной эмоциональной оценке деревни: *«Вот она, нищета-то и невежество!» – думал молодой барин, грустно наклонив голову и шагая большими шагами вниз по деревне».* Среди чувств Нехлюдова, духовно близкого молодому Л. Толстому, – досада, стыд и бессилие: *«он почувствовал даже некоторую злобу на мужика, сердито пожал плечами и нахмурился; но вид нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса превратили его досаду в какое-то грустное, безнадежное чувство».*

Стыдно и герою А. Чехова Николаю перед своей женой и дочерью за бедность, постоянный крик, «голод, угар и смрад» в доме, за своих «тощих, сгорбленных, беззубых» родителей, за всегда пьяного брата Кирьяка: *«По случаю гостей постави-*

ли самовар. От чая пахло рыбой, сахар был огрызанный и серый, по хлебу и посуде сновали тараканы; было противно пить, и разговор был противный – все о нужде да о болезнях».

И. Бунин еще более резок в своих оценках, и хотя прямой авторской характеристики в повести нет, она явно просматривается в репликах героев. Так, например, Тихон с раздражением заключает: *«Эх, и нищета же кругом! Дотла разорились мужики... Хозяина бы сюда, хозяина!»*, а Кузьма добавляет: *«Дикий мы народ! ... Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!».*

Как мы уже отмечали, писатели через пространственные описания стремились постигнуть русскую душу, поэтому интересный вывод можно сделать, сопоставив в повестях образы крестьян. Например, во всех трех произведениях мы находим героев, символизирующих такую черту русского характера, как смирение (Иван Чурис в «Утре помещика», Ольга в «Мужиках», Молодая в «Деревне»). Об этой черте, пронизательно замеченной великими художниками, впоследствии писали русские философы и выводили ее именно из особенностей пространственной организации России: *«Но необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы. Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением»* [5: 60].

Другая черта русского характера проявляется в крепкой связи с родовым гнездом, родиной. Ярким подтверждением этой мысли является диалог Чуриса

с Нехлюдовым в «Утре помещика»: *«И, батюшка ваше сиятельство, как можно сличить! – с живостью отвечал Чурис, как будто испугавшись, чтоб барин не принял окончательного решения, – здесь на миру место, место веселое, обычное: и дорога, и пруд тебе, белье, что ли, бабе стирать, скотину ли поить, и все наше заведение мужицкое, тут искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы – вот, что мои родители садили; и дед и батюшка наши здесь богу душу отдали, и мне только бы век тут свой кончить, ваше сиятельство, больше ничего не прошу».* Как видим, родовая связь поколений в крестьянской семье проявляется в привязанности к привычному месту, крестьянскому миру, который состоит не только из жилища, но из двора, дороги, пруда, гумна, огородишки и т.д.

Подобный пример находим и у А. Чехова, его герой Николай Чикильдеев, почувствовав, что смертельно болен, едет умирать в родную деревню, где легче становится даже от созерцания родной природы: *«Сидя на краю обрыва, Николай и Ольга видели, как заходило солнце, как небо, золотое и багровое, отражалось в реке, в окнах храма и во всем воздухе,*

нежном, покойном, невыразимо-чистом, какого никогда не бывает в Москве».

Важными для писателей были и такие положительные начала в русском народе, как «искание абсолютного добра», проявившееся в желании Нехлюдова улучшить положение крестьян; здоровье, согласие, цельность природы (семья Дутловых в «Утре помещика»); религиозность, порой не всегда осознаваемая: *«Мало кто верил, мало кто понимал. В то же время все любили Священное Писание, любили нежно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангелие, ее уважали и все говорили ей «вы», – писал Чехов в «Мужиках»;* осознание своей безысходной дикости и обреченности (Тихон и Кузьма Красовы); жертвенность (Молодая) и др.

Таким образом, сопоставительный анализ повестей «Утро помещика» Л. Толстого, «Мужики» А. Чехова и «Деревня» И. Бунина позволил обнаружить единство авторских взглядов на русскую деревню, отражающих тот тип национальной модели мира, которая органично присуща русскому менталитету и проявляет себя в пространственных характеристиках.

Примечания:

1. Лазарева О.В. Проблема русского национального самосознания в прозе И.А. Бунина 1910-1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 180 с.
2. Шакиров С.М. Мотив дороги как парадигма русской лирики: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001. 196 с.
3. Никанорова Е.К. Буря на море, или Буран в степи. Статья вторая // Материалы к словарю сюжетов и мотивов. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения. Сюжет и мотив / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2004. С. 3-30.
4. Хаткова И.Н. Пейзаж как структурообразующее начало повествования в художественных произведениях Султана Хан-Гирея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2006. № 1. С. 231-234.
5. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 59-65.

References:

1. Lazareva O.V. The problem of the Russian national consciousness in I.A. Bunin's prose of the 1910-1920: forms of art figurativeness, evolution: Dissertation for the Candidate of Philology degree. M., 2006. 180 pp.
2. Shakirov S.M. The road motif as a paradigm of the Russian lyrics: Dissertation for the Candidate of Philology degree. Magnitogorsk, 2001. 196 pp.
3. Nikanorova E.K. Storm in the sea, or snow-storm in the steppe. The second article // The materials to the dictionary of plots and motives. Issue 6. Interpretation of an artwork. A plot and a motif / ed. by E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk, 2004. P. 3-30.
4. Khatkova I.N. A landscape as structure-forming beginning of the narration in the works of Sultan Khan-Girey // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2006. № 1. P. 231-234.
5. Berdyaev N.A. On the power of spaces over Russian soul // Berdyaev N.A. The fate of Russia. Experiments on war and nationality psychology. M.: Mysl, 1990. P. 59-65.